

братом Владимиром, одним из первых заговорил об этом Вячеслав Владимирович, брат Юрия и его союзник в этой войне, — заговорил, руководствуясь, по утверждению летописца, чисто христианскими побуждениями, далекими от каких-либо прозаических расчетов; — „бъшеть бо князь Вячеслав незлобив сердцем, хваля преславного бога, поминая Писание: аще имеете веру яко зерно синапъно, речете горе сей: преиди, — преидеть; и пакы помянув слово глаголюще: бога люблю, а брата ненавидя, ложь еси; аще бога любиши, люби брата“ (стр. 274). Однако строкою ниже сам же Вячеслав „разоблачает“ себя, открывая истинную причину своего миролюбия: летописец припоминает его слова, сказанные брату Юрию по этому поводу: „Брате, мирися; хочеси ли не уладивъся поити прочь, то ты ся прочь, а Изяслав мою волость пожъ жеть“; Вячеслав в то время сидел на Погорине, и неудивительно, что его перепугал план Юрия уйти из Волыни, не заключив мира с Изяславом. Здесь перед нами случай, когда разноречивой в способе описывать одно и то же событие приводит к явной несогласованности, к противоречию.

Наблюдая за тем, когда летописец прибегал к агиографической ретуши или даже к переключению отдельных эпизодов своего повествования в агиографический план, нетрудно заметить, что обычно делал это он только в том случае, когда хотел подчеркнуть свою симпатию или антипатию к тому или иному князю. Агиографические формулы и штампы для летописца прежде всего — способ обнаружить свое отношение к тому или иному историческому деятелю или событию; — отнюдь не простое „украшение“, не дань литературной традиции, заведенному литературному „этикету“. Наличие такой формулы или штампа в рассказе позволяет безошибочно судить о политических пристрастиях летописца, о его политической ориентации. Агиографический стиль в руках летописца и стоявших за его спиной княжеских группировок не раз служил мощным оружием политической борьбы, — тем более мощным, что летописец с его помощью свою оценку поведения того или иного князя или события переводил в морально-религиозную плоскость. В этой связи в особенности показательны случаи, когда летописец к агиографическим формулам и „клише“ прибегал в целях откровенной реабилитации того или иного князя.

В 1136 г. имело место следующее событие: желая отобрать у Ярополка Владимировича свою „отчину“ — Посемье, Всеволод Ольгович неожиданно подошел с большим войском и половцами под самый Киев; в испуге Ярополк поспешил удовлетворить все его требования; решение Ярополка и удивило и возмутило его союзников, не ожидавших от киевского князя столь поспешной капитуляции. Излагая это событие, летописец, однако, — сторонник Ярополка и его апологет — в рассказе своем изобразил дело совсем иначе: в его трактовке капитуляция Ярополка — подвиг христианского смирения и кротости, а сам Ярополк — высокий образец „благоумного“ князя-миротворца: „...и прием рассмотрение в сердци, не изиде на нь (Всеволода Ольговича) противу, ни створи